

УДК 316.42 (Социальные изменения. Социальное развитие)

ББК С 51 60.51

С 52 60.52

083

083 **Открывая Грушина.** Том 2. — Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Изд-во МГУ, 2011. — 382 с.

ISBN 978-5-211-06207-8

Книга продолжает серию «Открывая Грушина», посвященную памяти выдающегося отечественного философа и социолога Б.А. Грушина.

Второй том серии содержит материалы круглого стола «Уроки Грушина, или Успех безнадежного дела», прошедшего на факультете журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова 29 сентября 2010 года, а также воспоминания дочери ученого Ольги Грушиной, его коллег и друзей, живущих в России и за рубежом.

Опубликованные в сборнике статьи и интервью представляют многогранную личность известного исследователя, знакомят читателя с его биографией и научным наследием.

Часть настоящего издания составили не публиковавшиеся ранее тексты Б.А. Грушина. В частности — его незавершенная работа «Разводы в СССР», основанная на материалах исследований Института общественного мнения «Комсомольской правды».

Для социологов, философов, историков, обществоведов, журналистов, а также для широкого круга заинтересованных читателей.

ББК С 51 60.51

С 52 60.52

© Авторы текстов, 2011

© Аникина М.Е., Хруль В.М., сост., 2011

© Издательство Московского университета, 2011

© Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011

ISBN 978-5-211-06207-8

СОДЕРЖАНИЕ

Продолжение следует

Слово редакторов-составителей 5

ОБСУЖДАЯ ГРУШИНА

«Уроки Грушина, или Успех безнадежного дела».

Материалы круглого стола с участием Е.Л. Вартановой,

А.А. Верховской, Л.Д. Гудкова, Я.Н. Засурского,

Н.П. Попова, И.Д. Фомичевой, В.А. Ядова 11

ОСМЫСЛЯЯ ГРУШИНА

Борис Докторов. Борис Грушин: начало постбиографии 45

Николай Попов. Жизнь между эпохами:

от Брежнева до Путина 51

Наталья Иконникова. О практиках работы в социологии 88

ВСПОМИНАЯ ГРУШИНА

Ольга Грушина. Главный мужчина в моей жизни 97

Алексей Карцев. Идеальный юбилей 100

Эрих Соловьев. Четыре жизни Бориса Грушина

в советской России 102

Сергей Чесноков. «Мне интересен человек как человек...» 104

«У нас была тема очень суровая — невозможность жить

в советском обществе». Интервью Бориса Грушина

и Натальи Карцевой Дмитрию Шалину 112

Загадочный лазутчик из будущего.

Интервью Бориса Грушина Ольге Кучкиной 131

Блэр Рубл. О случайном и закономерном 143

Нэнси Любин. «Римский легион» Грушина 146

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ГРУШИНА

<i>Борис Грушин. Границы высказываний общественного мнения</i> . . .	153
<i>Борис Грушин. Институт общественного мнения «Комсомольской правды»</i>	176
<i>Борис Грушин. Разводы в СССР</i>	215

СЛЕДУЯ ГРУШИНУ

<i>Мария Аникина, Виктор Хруль. Семья и брак в сознании современной молодежи. Опыт исследования текстов самовыражения массы</i>	347
<i>Наталья Карцева. Послесловие</i>	367
Об авторах	371
Именной указатель	377

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Слово редакторов-составителей

На корешке книги, которую Вы держите в руках, самодовольно и уверенно красуется цифра «2». А ведь еще полгода назад солидный и богатый авторами первый том серии «Открывая Грушина» даже скромной цифры «1» на твердом черном переплете позволить себе не мог. Он знал, что он первый, но вовсе не был уверен, что последует продолжение.

Вполне отдавая себе отчет в том, что любители сравнительного анализа по совокупности признаков отдадут предпочтение первому тому, мы старались побыстрее собрать второй — простой, бесхитростный, в мягкой обложке и без фотографий, — чтобы убедить себя: будут и третий, и четвертый, и пятый...

Чтобы дело побыстрее «встало на крыло».

С этой же целью, невзирая на предостережения умудренных опытом коллег, мы в сентябре 2010 года скоростно (под предлогом вручения пахнущих типографской краской экземпляров книги «Открывая Грушина») собрали ее авторов и сочувствующих за «круглым столом». Его название — «Уроки Грушина, или Успех безнадежного дела» — придумала опять же профессор Ирина Дмитриевна Фомичева, за что ей большое спасибо.

Коварство замысла заключалось в том, чтобы за кулисами славословий выудить у гостей идеи и предложения для «Вторых Грушинских чтений на Моховой». О том, насколько это удалось, Вы можете судить по опубликованным в данном томе материалам «круглого стола». Нам кажется, что разговор получился: отдавая должное Грушину, его не только хвалили — с ним спорили, его текстам задавали вопросы, его идеи помещали в новый контекст, на его постулатах формулировали новые теоретические задачи...

Как и раньше, нашу работу над книгой сопровождали разные чувства, и порой вдохновение и одушевление сменяли неуверенность и сомнения. Но самым ярким чувством была радость — ра-

дость открытия, причастности и вовлечения — в орбиту Грушина, в актуальную научную дискуссию.

Сохранилось и еще одно впечатление, о котором хочется сказать. Это ощущение чуда, когда замечательные, знающие и великие люди принимают приглашение и приходят, чтобы поделиться воспоминаниями и идеями; когда открываются новые, доселе не известные материалы, которые можно опубликовать; когда появляются живые и заинтересованные студенты, которых не пугает новая сложная работа и — наоборот — привлекают необычные исследования и возможные оригинальные находки...

Вторая книга представляет Грушина в разных ипостасях. В нее вошли тексты родных Бориса Андреевича, материалы зарубежных коллег профессора. В сборнике звучит и прямая речь — фрагменты бесед Бориса Андреевича с журналистами и друзьями.

Сложилось так, что публикуемые тексты Грушина об изучении общественного мнения и о разводах в СССР нашли отражение в материалах его последователей, отчего том получился, на наш взгляд, структурно целостным, несмотря на разнообразие включенных в него материалов и содержащихся в нем идей, на личные и заочные споры, в которые вступали друг с другом авторы. Как известно, в спорах рождается истина...

На страницах книги, в выступлениях коллег и учеников часто повторяется идея о том, что Грушина необходимо изучать, что трудно приблизиться к нему — недостижимой величине и авторитету для многих, что он и его работы недостаточно известны подрастающим профессионалам.

Эта книга создавалась с любовью и почтением к профессору Грушину для небезразличных, внимательных и заинтересованных читателей. Для того, чтобы сохранить знание и передать его тем, кто не был знаком с профессором и еще не читал его работ, чтобы хоть отчасти утолить жажду знаний и новых открытий.

Как и первый, второй том серии «Открывая Грушина» был бы невозможен без доверия, без заботливой и поистине неоценимой помощи Натальи Георгиевны Карцевой. Она великодушно терпела наше своеволие и предлагала красивые идеи, до которых мы сами ни за что не додумались бы.

Декану факультета журналистики профессору Елене Леонидовне Вартановой и президенту факультета профессору Ясену Николаевичу Засурскому мы адресуем слова благодарности за поддержку проекта в целом и за возможность провести «круглый стол». Стараниями Ильи Валерьевича Стечкина, Сергея Александровича Шувалова и Юрия Вячеславовича Аникеева за ходом дискуссий на Моховой мог следить в сети Интернет любой его пользователь. Этой возможностью, как выяснилось, воспользовались коллеги не только из России, но и из Эстонии и даже США, которые не смогли приехать в Москву. С расшифровкой записей, сканированием и набором рукописей нам помогли Татьяна Сорокина и Станислав Хруль. Нонна Юрьевна Котрикадзе вновь одарила нас терпением и мудрыми советами при верстке книги и подготовке ее к печати, а Иван Игоревич Сердюков сделал для второго замечательную, на наш взгляд, обложку.

Всем — большое спасибо!

С искренней признательностью к тем, кто помнит профессора Грушина и испытывает неподдельный интерес к его работе, а также с пожеланиями увлекательного чтения, новых поисков и с приглашением к размышлению и сотворчеству,

Мария Аникина, Виктор Хруль

БОРИС ГРУШИН: НАЧАЛО ПОСТБИОГРАФИИ

Для меня биография — это совокупность всех действий и мыслей человека, приходящихся на годы его жизни. Все, что происходит после этого, — дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой человек работал, и прочее — не в силах изменить траекторию его жизни и окружавшее его некогда социокультурное пространство. Ибо все это уже произошло, состоялось, ушло. Но время придает прожитой человеком жизни новый смысл, детерминирует, проявляет его судьбу. Судьба — это комплекс всего, что предопределяет биографию человека (предбиография), наполняет его жизнь (собственно биография) и связано с ним после ее завершения (постбиография). У биографии есть начало и конец, судьба же теоретически бесконечна, точнее сказать — судьба обычно дольше, продолжительнее жизни. Судьба — многомернее биографии.

Предбиографию человек не выбирает, она дается ему при рождении. В некоторых обществах, культурах предбиографии предается огромное значение, ребенка специально вводят в мир его предков, учат его знать и уважать их. Видеть себя их продолжением. Биография — эта та часть судьбы, которая в наибольшей степени определяется поведением человека в заданном ему историей социальном пространстве-времени и в том микромире, который он создает сам. Постбиография человека, естественно, не свободна от предбиографии и собственно биографии, но, вместе с тем, она во многом образуется теми, кто знал этого человека и кто находит сделанное им важным для себя и значимым для других. И еще: постбиография — функция времени, наступающего после смерти человека. Короче, это очень сложное образование.

Только что увидевший свет первый сборник «Открывая Грушина»¹ можно с полным основанием назвать началом постби-

---

¹ Открывая Грушина / Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Издательство Московского университета, 2010.

ографии Бориса Андреевича Грушина. Думаю, что с эти утверждениям согласятся и те, чьи воспоминания о Грушине включены в этот сборник, и те, кто знал его, но пока не имел возможности рассказать о нем, и те, кто через эту книгу познакомится с ним. С одной стороны, «Открывая Грушина» — это первая попытка дать многомерное описание жизни и творчества Грушина. С другой, уже в самом названии книги и в заголовках ее основных разделов («Вспоминая Грушина», «Осмысля Грушина», «Перечитывая Грушина») обозначена процессуальность погружения в его биографию и в его научное наследие. Сделанное — первый шаг. Но одновременно это и толчок к продолжению движения.

Главные достоинства сборника определены составом авторов, включенных в него воспоминаний. Это люди, десятилетиями знавшие Грушина и дружившие с ним в школе, университете, его коллеги, студенты, аспиранты. Уверен, что уважение авторов к Грушину и знание ими его резко негативного отношения к неискренности, лести позволяют с полным доверием относиться к их рассказам. Это крайне важно и для воссоздания биографии Грушина, и для формирования его постбиографии.

Прежде всего Грушин предстает в сборнике как социолог, изучавший общественное мнение, общественное сознание и средства массовой информации. Показан он и как методолог, глубоко понимавший теоретико-эмпирическую природу нашей науки. Обычно подчеркивается первопроходческая роль Грушина в освоении в СССР «жесткой» технологии опросов населения. Это исторически верно. Одновременно «Открывая Грушина» позволяет говорить о нем и как об одном из пионеров в области работы с «мягкими» методами.

Укажу еще одну нарождающуюся область российской социологии, которой — в ее рафинированном виде — не может существовать ни в одной стране, и в освоении которой следует признать первенство Грушина. В ряде воспоминаний отмечается гражданское подвижничество Грушина, взвалившего на себя «Четыре жизни России». Но здесь следует сказать и то, что он взялся за решение сложнейшей методологической и историко-социологической задачи — интерпретации собранных им за многие годы данных в парадигме, отличной от той, на базе которой она собиралась. Информацию, собранную

в эпоху заката оттепели, ряда стадий застоя, перестройки и становления ельцинской России, ему предстояло трактовать в координатах более поздних социальных преобразований и социологических концепций. Продолжительное прошлое и короткое настоящее разделялись тем, что Грушин называл «социотрясением». Менялся мир социальных отношений, менялось сознание населения, менялось понимание им природы общественного мнения.

Мне не кажется, что лишь годы и стремление понять, что же было сделано, подтолкнули Грушина к начатому им анализу. Ламинарное, гладкое застойное движение прошлых лет не способно было бы даже подтолкнуть исследователя к перепроцессу давно собранной информации. В крайнем случае, если бы это все же произошло, то новая интерпретация была бы лишь детализацией и некоторым обобщением прежней картины. Наоборот, турбулентность, вихреобразность — спутники социотрясения, — скачкообразность развития всех социальных институтов, появление кардинальных разломов в массовом сознании россиян, ослабление памяти населения, потеря им привычных социальных ориентиров и невозможность отыскания новых маршрутов движения постоянно требовали от всех серьезных социологов, в том числе и от Грушина, историчности в рассмотрении объекта и предмета их анализа. Грушин стал первым, кто осознал и принял этот вызов. Никто, более чем он, не был готов этому. Путь к «Четырем жизням России» продолжался у Грушина около сорока лет. Напомню, еще в 1957 году, с третьей попытки, он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития». То движение начинал не Грушин-социолог или журналист, но Грушин — философ-диалектик.

Пять лет назад, т.е. еще при жизни Грушина, я назвал метод восстановления прошлого, разрабатывавшийся им, «голографическим». Я говорил ему, и он соглашался с тем, что ему удалось плоское в прошлом изображение массового восприятия существовавшего тогда мира социальных отношений сделать объемным. И он смог описать те свойства сфотографированной им много лет назад реальности, которые не обнаруживались в их плоскостной, двумерной проекции.

Однако мы имеем право говорить о большем. В действительности заслуга Грушина в том, что он «прописал» исследования общественного мнения в структуре социологии, что, вообще говоря, не является традиционным для департаментализации множества социальных наук. Скажем, в США опросы общественного мнения — это самостоятельная аналитическая деятельность, опирающаяся прежде всего на концепции и методы социальной психологии (изучение установок) и по своим исследовательским задачам близкая к политологии. При этом, после более семи десятилетий регулярного изучения общественного мнения американцев и признания «рациональности» мнений, суждений населения, материалы опросов стали составной частью истории, социологии, культурологии и политологии, т.е. составной частью академической науки.

Абсолютно верно и то, что в рассматриваемой книге Грушин признается своим не только философами и социологами, но и журналистами. Ярче всего это видно в том факте, что именно факультет журналистики МГУ организовал «Грушинские чтения на Моховой», и сотрудниками факультета был подготовлен рассматриваемый сборник. Но не только работа Грушина в «Комсомольской правде», его многолетнее преподавание на факультете журналистики, программа его «Таганрогского проекта» свидетельствуют о том, что журналистика была для Грушина больше, чем одно из направлений его профессиональной деятельности. Он был журналистом по темпераменту, он был таковым в его стремлении довести результаты опросов до общества, населения. Осмысля Грушина, мы должны будем понять, что видение Грушиным социальных процессов было бифокальным: социологическим и журналистским. Кстати замечу, что в США в середине 1930 гг. опросы общественного мнения рассматривались как метод журналистики. Их результаты были одновременно и инструментом борьбы за читательскую аудиторию (т.е. бизнес-интерес), и способом укрепить в глазах общества представление о себе как о властном институте. Грушин прекрасно понимал, что лишь тот путь организации опросов, по которому он пошел, работая в «Комсомольской правде», позволял обеспечить общественному мнению (конечно, не в СССР) более полное исполнение функций, присущих «Vox Populi». Я имею в

виду проведение опросов в интересах средств массовой информации и при их финансировании.

В этом кратком и обобщенном анализе материалов сборника я осознанно ухожу от перечисления фамилий авторов, поделившись с будущими читателями сборника своими воспоминаниями о Грушине. Во-первых, каждый материал уникален, во-вторых, высказанное каждым следует рассматривать, как теперь говорят, в рамках единого дискурса. И важнейшей чертой этого общего является по сути присутствующее во всех текстах признание глубокой погруженности Грушина в смеховую культуру его времени. Одни обнаруживают это в его профессиональном знании анекдотов, которые он любил и блистательно рассказывал, другие — в его исследовании пражского пивного фольклора, третьи — в его повседневной речи, четвертые — в афористичности его лекций и публицистики. Да и вообще, чтобы увидеть эту особенность личности Грушина, не нужно листать всю книгу, достаточно прочесть его «Цитаты из жизни», которыми открывается сборник. Из сказанного вытекает один урок: в воспоминаниях о Грушине не должно быть патетики, он понимал свое предназначение, но смотрел на себя с иронией интеллигентного человека.

А вообще, суммируя содержание книги, отражающей многое из написанного о Грушине при его жизни и после его смерти, перечитывая его книги, вспоминая его рассказ о задумывавшейся им оригинальной по строению книге мемуаров, зная о дневниках, записях личного характера, которые он вел долгие годы, помня о его уникальном личном и научном архиве, я хотел бы сделать два вывода. Первый — мы мало знаем Грушина. И второй — прожитое и сделанное им заслуживает специального анализа. Мы стесняемся признавать наших современников выдающимися учеными, полагая это нескромным и считая, что только время покажет значение наследия того или иного исследователя. Мне это не кажется верным, более того, я вижу некую ущербность подобного подхода к оценке жизнедеятельности современных ученых. В нем есть что-то надуманное, проистекающее из недооценки роли личности в историческом процессе, есть признак недооценки способности самого научного сообщества определить своих лидеров. Рывок в познании

Осмысля Грушина

истории постхрущевской советской/российской социологии, сделанный во второй половине 1990 гг., дал многое. Но накопленный потенциал движения в силу ряда обстоятельств быстро разрядился, и исследования в этой области почти остановились.

Мне представляется, что новый виток исторических поисков будет связан с активным изучением жизни и творчества социологов первого поколения, со стремлением понять действие тех социальных пружин, которые привели в буквальном смысле горстку молодых философов, историков, экономистов в не знакомую им социологию. Появление книги «Осмысля Грушина» — это индикатор указанного процесса. Ведь, осмысля Грушина, мы сможем многое открыть не только в его творчестве, но в истории нашей науки.

Борис Докторов

ЖИЗНЬ МЕЖДУ ЭПОХАМИ: ОТ БРЕЖНЕВА ДО ПУТИНА

Введение

Радикальные перемены в жизни советского и российского общества 1980–90 гг., воистину цивилизационная его трансформация, как подчеркивал Б.А. Грушин, затронули все слои народа и вызвали глубокие изменения в массовом сознании. Часть перемен вызревала в сознании народа уже в послевоенное время, в эпоху Хрущева с десталинизацией и «оттепелью», в «застойную» эпоху Брежнева. Другие реформы и перемены были начаты сверху, как часто бывало в России.

В целом, общество не было готово к столь радикальным преобразованиям, не вполне понимало, что происходит, чего ожидать народу от реформ, перестройки разных сторон жизни, кто за ними стоит, кому это выгодно. Отношение народа к реформам было противоречивым и непоследовательным: благосклонное ожидание в начале процесса часто переходило в отторжение через несколько месяцев; оценка авторов реформ колебалась от восхищения до ненависти. Отсутствие принятых в мире катализаторов мнений в виде идейных лидеров или массовых политических партий, собственных гражданскому обществу, часто приводило к оценкам, основанным на эмоциях, а не на знаниях и убеждениях.

Такое массовое сознание легко поддавалось манипуляциям телевидения и печати, авантюристических лидеров. Соответственно, участие населения в политических процессах, в основном сведенное к голосованию на выборах, также было эмоциональным, противоречивым и непоследовательным. В условиях неразвитого политического сознания большую роль играли более или менее харизматические лидеры, способные демагогией и популизмом увлечь массы на политическое поведение, в том числе на выборах, которое не отвечало истинным интересам народа, различных его